

*Данный роман является вымыслом.
Любое сходство с действительностью
случайно.*

Глава 1

Двое в ночи

Я бы на вашем месте хоть раз
в театр ходил.

*М. Булгаков,
«Собачье сердце»*

Сумерки плывут над Москвой. Вдоль улиц протянулись цепи желтых огней, в черном небе холодная пятнистая луна то спрячется за облако, то выглянет из него. Громада ЦУМа — бывшего «Мюр и Мерилиз» — топорщится во тьме как готический замок, каким-то чудом перенесенный в центр советской столицы. На улице Горького, бывшей Тверской, уже начинают закрываться шумные рестораны, иссякают льющиеся из дверей волны джаза. Изредка проносятся машины, прорезая ночь светом фар. Сквер напротив Большого театра тих и темен, и молчит выключенный в эту пору года фонтан. Зеленую квадригу в вышине уже не видно. Тает в сумерках Аполлон, и полощется над ним на ветру красный флаг.

Припозднившиеся прохожие зябко поднимают воротники и ускоряют шаг. Впрочем, есть и такие граждане, которым ночь нипочем. К ним, очевидно, принадлежал молодой человек, который неспешно шел по Пе-

тровке в сопровождении барышни. Она висла у него на рукаве, блестела глазами и трещала, не закрывая рта. Из-под синего беретика выбивались лихие рыжеватые кудряшки, милостивое личико светилось оживлением, а на ногах, несмотря на осеннее время, красовались туфли на небольшом каблучке. Свободной рукой барышня прижимала к себе маленькую сумочку. Окажись поблизости недоброжелательный наблюдатель, он бы не преминул заметить, что и сумочка, и темное пальтишко барышни не отличаются красотой и вообще бросают вызов моде. Впрочем, наблюдатель менее придирчивый удовольствовался бы соображением, что незнакомка просто очаровательна, а что касается ее вещей, то они все равно не могут испортить общего впечатления. В конце концов, в 1936 году мало кто мог позволить себе шиковать и одеваться согласно последним предписаниям заграничных журналов.

— Ой, Ваня, как же хорошо посидели-то! — говорила барышня, зачарованно глядя на своего высокого темноволосого спутника. — И люди культурные, и обслуживание приличное. Знатная ресторация! А ты много получаешь? Ты не подумай, — поспешно спохватилась она, — я просто так спрашиваю. Мне любопытно. Вот у Катьки муж — пожарный, но у него работа опасная... Ой, Ваня! — Барышня хихикнула и крепче прижалась к своему спутнику. — Я и забыла, что у тебя тоже работа не сахар. Ты вообще не похож... Я хочу сказать, ты такой серьезный! Как профессор!

Серьезный Ваня ограничился тем, что только улыбнулся. Улыбка у него была замечательная, открытая, что называется, от всей души — и заставляла забыть о страшном шраме, который шел наискось рядом

с правым виском и был отчетливо виден даже сейчас, в октябрьских сумерках, разбавленных светом редких фонарей.

— Нет, ты лучше, — увлеченно продолжала барышня, — в самом деле! Профессора все старые. Правда, получают ужас как много! Я однажды видела профессора, так у него даже своя машина была.

— Люся... — смущенно начал ее спутник.

— Ну что Люся? Я же сказала: ты лучше! Не машина же главное, в конце концов...

Уловив какой-то посторонний шум, Ваня машинально повернул голову. Навстречу им по тротуару от Большого театра шла женщина. Она двигалась очень быстро, стуча каблучками, и в ночи ее шаги казались особенно громкими. По Петровке проехал грузовик, и на несколько секунд его фары осветили незнакомку целиком. Она пробежала мимо Вани, бросив на него один-единственный взгляд, а через несколько минут свернула в какой-то переулок и скрылась из глаз. Ночь съела ее без остатка и поглотила ее шаги.

— Ишь ты! — фыркнула Люся.

Ей инстинктивно не понравилась незнакомка, точнее, не понравилось, как Ваня на нее посмотрел. Люся уже считала его чем-то вроде своей собственности, и ее невольно кольнула ревность.

— Знакомая, что ли? — спросила она, стараясь говорить как можно более небрежно.

— Нет, — просто ответил ее спутник.

— Духами брызгается, — пробормотала Люся, втянув носом воздух. — Фу-ты ну-ты! — Ее осенила неожиданная догадка: — А может, она из театра?

Ваня только плечами пожал, всем своим видом показывая, что его это совершенно не касается.

— Я в театры не хожу, — продолжала Люся, совершенно успокоившись. — Ну как не хожу? Была один раз, не понравилось мне. Место далеко, неудобно, видно плохо, а на сцене кривляются чего-то. Хорошо еще, что билет был даровой, от нашей комсомольской ячейки... Вань, скажи, а ты бы мог перейти на другую работу?

— Зачем? — уже недовольно спросил ее спутник.

— Ну как зачем? Мне же страшно. Бандиты всякие, уголовники, а ты их ловишь. А если с тобой случится что?

— Кто-то должен и бандитов ловить, — буркнул Ваня, и по его мгновенно замкнувшемуся виду Люся поняла, что зря затронула эту тему.

— Ваня, ну разве я против говорю? Я же пошутила! — Совершив этот типично женский маневр, Люся решила, что одних слов недостаточно. — Ты не сердись? Нет? Точно нет? Тогда целуй меня. Целуй, а то не поверю!

Ваня наклонился к Люсе, но тут послышался шум машины, которая мчалась, разрезая ночь светом фар, и молодой человек увлек свою спутницу в темный переулок за театром, где можно было без помех целоваться сколько угодно.

— Ой, Ваня! — хихикнула девушка после того, как ее поцеловали не то в пятый, не то в шестой раз. — погоди... дай дух перевести... — Она оторвалась от своего спутника, сделала шаг назад, покачнулась и ойкнула. — Ваня!

— Ну что? — спросил молодой человек, улыбаясь во весь рот.

— Ваня, я на что-то наступила, — обиженно сказала Люся, хлопая ресницами. — Я сейчас чуть не упала!

Ее спутник наклонился, рассматривая то, на что она наступила, потом внезапно посерьезнел и стал хлопать себя по карманам, вполголоса бормоча ругательства.

— Вань, ты чего? — пролепетала девушка, струхнув. Она ничего не понимала.

Достав коробок спичек, Ваня зажег одну из них и осветил то, что бесформенной грудой лежало у стены. При ближайшем рассмотрении груды оказалась телом, и было не похоже на то, что оно принадлежит живому человеку.

— Ваня! — завизжала Люся, хватая спутника за локоть.

— А, ч-черт...

Спичка упала на асфальт и погасла. Дернув рукой, Иван стряхнул пальцы девушки и зажег следующую спичку.

— Ваня... — заныла Люся. — Ванечка!

Она сделала попытку снова вцепиться в него, но на сей раз Иван отвел ее руку.

— Ты можешь подержать коробок? — спросил он.

— Зачем? — в ужасе пролепетала девушка.

— У меня только две руки. Я хочу его осмотреть.

— Я... я...

Не слушая Люсю, Иван вручил ей коробок спичек, а сам наклонился над телом, осветив его спичкой. Свободной рукой потрогал пульс, нахмурился, зачем-то осмотрел шею лежащего, а затем и голову. Спичка догорала, и Иван задул ее уже тогда, когда пламя стало обжигать ему пальцы.

— Дай сюда коробок...

Он зажег новую спичку. Выражения его лица Люся не понимала и не хотела признаться себе в том, что он ее пугает.

— Какая-то странная у него одежда, — пробормотала она, дрожа всем телом.

На лежащем было белое обтягивающее трико и нечто вроде пестрого короткого камзола, богато украшенного вышивкой и позументом. Глаза мужчины были открыты и смотрели мимо молодых людей в никуда. Закончив осмотр, Иван осветил спичкой циферблат часов на своем запястье.

— Семнадцать минут первого... Хотя что это дает? Ничего не дает...

— Ваня, — пробормотала Люся, совершенно растерявшись, — он что, умер?

— Да не умер, а убит, — буркнул Иван, распрямляясь. Он задул спичку, бросил ее и спрятал коробок в карман.

— Ваня, я боюсь. Ваня...

— Не надо бояться, он тебе ничего не сделает. Вот что, я иду к метро, там на посту стоит милиционер. Я приведу его сюда. А ты...

— Ваня, я тут не останусь! — отчаянно вскрикнула Люся и зарыдала. — Ваня, не бросай меня...

— Люся, перестань... Люся!

— Почему мы вообще должны им заниматься? Пусть кто-нибудь другой его найдет! Такой хороший вечер был... ресторан... так славно посидели... Зачем все портить?

— Люся, ты в своем уме?! — рассердился Иван. — Я муровец, между прочим... Я не могу его бросить и сделать вид, что ничего не было!

— Я тут не останусь!

— Люся, послушай...

— Нет, нет, я пойду с тобой! Если его убили... Вдруг тот, кто убил, все еще здесь? Нет, Ваня, я не хочу оставаться одна!

Признав, что в ее словах есть резон, Иван смирился.

— Хорошо, идем со мной... Я расскажу милиционеру, что случилось. Еще опербригаду с Петровки вызывать придется... Пошли! Чем быстрее мы со всем этим разберемся, тем лучше...

Однако когда через несколько минут Иван в сопровождении милиционера и спотыкающейся от ужаса Люси вернулся в переулок за Большим театром, труп исчез. И более того — ничто, ни одна деталь не указывала на то, что тут недавно произошло преступление

Глава 2

Военный совет

Не в балете ли весь человек?

Н. Некрасов

— Вот прям так взял и исчез? — недоверчиво спросил Петрович.

В кабинете было накурено. Дымили все — и уже знакомый нам Иван Опалин, и старый опытный опер Карп Петрович Логинов, которого коллеги называли просто по отчеству, потому что он не жаловал свое имя и периодически грозился его сменить, но за истекшие годы так и не решился. Попыхивал папироской молодой курносый Антон Завалинка, который начал работать в угрозыске совсем недавно, дымил душистой сигаретой высокий атлетичный красавец Юра Казачинский, сменивший на своем веку множество профессий и в конце концов приставший к опербригаде Опалина. Все они собрались, чтобы обсудить странное вчераш-

нее происшествие, в которое оказался замешанным их непосредственный начальник.

— Представь себе, исчез, — сказал Иван в ответ на слова Петровича. — Как сквозь землю провалился. Тот милиционер, Галактионов, здорово разозлился, что я его сдернул с поста. Я ему стал доказывать, что труп был и что не я один его видел. Он к Люсе, Люся от ужаса ревет, мы стучать в театр, но все двери закрыты. Наконец отворили нам одну дверь — старый хрыч какой-то, сторож ночной. Как вы смеете безобразничать, говорит, это театр, говорит, академический! Я ему — академический не академический, а тут у вас возле стены труп лежал, где он? Старик вытаращился на меня и чуть не перекрестился, но одумался. Короче, ни о каком трупе он не знает и ничего подозрительного не видел. Представление давно закончилось, все разошлись, в театре никого. А я, как назло, после ресторации с Люсей, и вином от меня пахнет... В общем, тот милиционер, Галактионов, решил, что я с пьяных глаз напридумывал чего-то. И еще сказал, что придется ему бумагу моему начальству составлять — кто да почему его ночью с поста сдернул. Я сказал — да, конечно, составляй, только труп тут точно был, а вот куда он делся, пока мы с Люсей ходили за милицией, это вопрос.

Слушая Опалина, Петрович шевелил своими мохнатыми бровями, что-то обдумывая. Казачинский докурил сигарету и смял ее в пепельнице.

— За театром там что, служебный вход? — спросил он.

— Да у них везде входы! — ответил Опалин с досадой. — Понимаешь, там переулочек, почти не освещенный, где с двух шагов не видно ни черта. Дверь не заме-

тишь, пока в нее не уткнешься. А он лежал у стены. Про костюм его я говорил?

Казачинский кивнул.

— Костюм, судя по твоему описанию, балетный, — пояснил Юра. — Сколько ему лет было? Не костюму, а тому, кого ты нашел?

— Я бы сказал — чуть старше двадцати, — без колебаний ответил Опалин.

— А следов крови на земле не было? — подал голос Антон.

— Откуда? Их и не должно было быть. Его оглушили ударом по голове, а затем удавили. И еще... — Опалин нахмурился. — Я, конечно, не доктор, но точно знаю: его убили задолго до того, как я его нашел. Как минимум за несколько часов.

Петрович вздохнул, полез в свой стол, достал оттуда смятую вчерашнюю газету и просмотрел последнюю страницу, на которой обычно печатались программы театров.

— Не мог он несколько часов незамеченным лежать, — решительно возразил Петрович, убрав газету и вытащив изо рта папиросу. — Юра прав: в переулке служебный вход для артистов. Вчера Лемешев выступал, знаешь, какая толпа его после представления поджидает? Труп бы сразу заметили. Нет, тут что-то не то...

— А жилые дома поблизости есть? — спросил Антон. Он горел желанием помочь Опалину, но пока не знал как.

— Есть, конечно. Прямо за театром — трехэтажный дом с колоннами, очень старый.

— Внутри коммунальные квартиры, — уточнил Казачинский. — И большинство жильцов — работники театра.